

УДК 801.82

В.П. Федорова
*Курганский государственный университет,
Курган*

СВОЕОБРАЗИЕ ХРОНОТОПА В ЖИТИИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Аннотация. В статье исследовано своеобразие пространства и времени в Житии протопопа Аввакума, выявлена связь изображения Сибири с архаическими представлениями о ли-

минальности пространства, характерной для обряда перехода из одного социального статуса в другой.

Ключевые слова: старообрядчество, житие, предисловие, жанр, пространство, время, символика, лиминальность, Сибирь, мифологемы, обряд инициации.

V.P. Fedorova
Kurgan State University, Kurgan

THE ORIGINALITY OF CHRONOTOPE IN LIFE OF THE ARCHPRIEST AVVAKUM

Abstract. *The originality of space and time in life of the archpriest Avvakum is analyzed in the article. The connection of the image of Siberia with archaic ideas of the liminality of space is revealed. The liminality is considered as ceremony of transition from one social status in another.*

Key words: Old Belief, life, preface, genre, space, time, symbolics, liminality, Siberia, mythologems, ceremony of initiation.

Источниковедческой базой статьи является последняя авторская редакция Жития – по Пустозерскому сборнику И.Н. Заволоко [2, с. 33-99]. Протопоп Аввакум вошёл в отечественную словесность как писатель «огнепального» слова, создавший новую литературную форму – своеобразный синтез жития, воспоминания, бытовой и сатирической повести, путевых заметок и др. При этом сохранена форма «свободной и непринужденной беседы» [5, с. 304]. Средневековый писатель (1621-1682) наполнил свое повествование мотивами земной любви и сострадания. Идеолог старообрядчества, борец за «старую» веру цель своего труда видел в увековечивании дониконианских церковных установок. Он четко осознавал, для чего подбирает в земляном срубе слово к слову: да не будет предана забвению вера дедов и прадедов, да не будет она отринута потомками. Эта цель цементирует произведение, связывая время и пространство.

Историческая справка. В 1652 году умер патриарх Иосиф. На патриарший престол избран властолюбивый, очень энергичный и не очень грамотный новгородский митрополит Никон. Поддержанный царем Алексеем Михайловичем, Никон принялся реформировать церковь по греческому образцу. Окончательная реформа была закреплена постановлением Соборов 1654-1655 годов. Реформа вызвала протест сельского духовенства. Протест получил название «раскола». В него влилась часть родовой знати. А далее раскол охватил крестьянство. Религиозный протест вылился в мощное антифеодальное движение. Центром урало-сибирского движения в конце XVII – начала XVIII века стало Южное Зауралье [7, с. 37; 8, с. 32-51; 11, с. 18].

Задаче защиты старой веры и святости борьбы за нее подчинен синтез общего и частного, всеобщего мира сторонников «древлего» благочестия и отдельного человека. По сути дела, это первое произведение, показавшее роль личности в общем святом деле, в трагической истории правой, но гонимой части этноса. Реализация задачи проявилась в структуре Жития. В кратком предисловии личная жизнь автора как персонажа текста вставлена в рамки судьбы всех, кто несет крест, как воскресение, как дань свету вечному [3, с. 103].

Значительную роль в раскрытии идей Аввакума играет хронотоп, М.М. Бахтин определял хронотоп как существенную «Взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе ...» [1, с. 9].

В цепочку страдальцев за Слово Божия, соединившей времена и народы, Аввакум вплетает известные имена: скончавшегося мученической смертью Дионисия Ареопажита (рубеж V-VI вв.), учителя Дионисия – апостола Павла, Афанасия Великого. В этом ряду Аввакум видит и себя: «Так я, протопоп Аввакум, верую, так исповедую, с тем живу и умираю» [3, с. 160]. Своими добрыми делами он надеется встать на Судище справа от Создателя [3, с. 155]. Ушедшие в мир иной проповедники – опора Аввакума. В его памяти нет границы между миром мертвых и живыми. Дистанция между живыми и мертвыми была так коротка в сознании Аввакума, что он мог испытывать чувство стыда перед умершими, о чем и написал в послании к боярину Андрею Плещееву [9, с. 26]. Идущая из язычества мифологема единства двух миров призвана под пером Аввакума утвердить главную мысль Жития – бессмертие дел, страданий, борьбы во славу извечной, истинной веры. Оно вне времени.

Время в Житии в соответствии с языческой моделью мироздания предстает как единство троичности: всемирные вехи, события русской истории и жизни конкретного человека. Знаковым явлением избран судьбоносный символ – солнечное затмение. Оно уравнивает сущность происходящих событий. Бог своим знаком показал равенство трагедии общехристианского характера, этноса и личности.

Время маркируется событиями, совершающимися в пространстве. Так, в краткой автобиографической справке указывается место рождения без названия даты появления на свет: «Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудьюмою рекою, в селе Григореве. Отец мой был священник Петр, мать – Мария, во инокинях Марфа» [3, с. 160]. В традициях канона жанра жития сообщаются факты жизни семьи, но без указания времени: Воспитание сына выпало на долю овдовевшей матери. Она же подыскала сыну жену. Даже факт пробуждения души, раздумий о смысле жизни, человеку, жизни и смерти не отмечен хронологически. Читателю предлагается констатация ситуации

становления человеческого в человеке, созревание «страха Божия» и мысли о необходимости спасения души. Повод был обыденный, но запавший в душу и память: однажды в детстве увидел Аввакум у соседа павшую скотину, что вызвало мысль о смерти. С той поры душа его обратилась к молитве как защите не столько живых, сколько умерших, не имеющих возможности обратиться за духовным спасением к Богу. В сознании отрока укоренился дохристианский постулат о единстве общности живых и умерших, человека и человечества, частного бытового факта и всемирной истории человечества. Аввакум стремится понять человека, а также уяснить его место в горизонтальном и вертикальном строении мира. Первые же строки Предисловия вводят в философские размышления о единстве всего мира. Обратившись к символике креста как «всем воскрешению», писатель раскрывает свое понимание времени как «вечного света». Сердцевиной течения времени является «дело Божие». Ради этого Божиего дела может трудиться один человек – «многострадальный юзник темничной, горемыка, нужетерпець, исповедникъ христовъ протопопъ Аввакум». Раскрыл писатель основу вхождения человека в вечность: она в служении Богу, проповеди его дел, человеколюбии. Космическое единство Бога и человека реализуется в узорчатом рисунке их отношений: Аввакум, защищая дело Божеское, строя будущее, просит творца дать ему силы и разум для завершения этого важного для всего христианского мира труда: «И ныне, Владыко, благослови, да, вздохнув от всего сердца, стану я говорить языком Дионисия Ареопагита о Божественных именах...», начиная с Адама [3, с. 155].

Таким образом, выстраивается единство трех частей мироздания: мертвые и живые, Бог и земные люди, Бог и умершие. Человек оказывается центральным звеном этого единства. Человек просит Бога (и служит ему) о живых и мертвых. Бог в свою очередь предостерегает человека о грядущих бедах.

Концепция человека как сложной, противоречивой сущности раскрывается в наказе Всевышнего своему сыну, посылаемому на землю: «О, свет мой! О, сын и слово! О, сияние славы моей! Если ты печешься о создании своем, подобает тебе облечься в тленного человека, подобает тебе по земле ходить, апостолов воспринять, пострадать и все исполнить» [3, с. 160]. Сквозь призму страданий Сына Божия и страдальцев за старую веру выстраивается единый вневременной бесконечный процесс христианской жизни, служения творцу.

В бесконечности времени борьбы за чистоту христианства Аввакум видит и свое место. Страдания во славу веры объединяют сына Божьего, русское староверие и героя Жития. Они объединены самим Творцом, предсказывающим беды затмением. Мотив затмения типизирует земные страдания разных слоев населе-

ния. Затмением отмечена казнь Сына Божиего. Дионисий видел, как в полдень солнце «покрылось тьмою а луна – кровью, звезды в полудне на небе сия вилися черными видом» [3, с. 37]. «В нашей России», – уточняет Аввакум, затмение наблюдалось перед страшным мором. В полдень «...тьма сделалась перед Петровым днем ...» [3, с. 157]. Три часа люди плакали, предчувствуя беду Луна, как будто заблудилась, потекла с запада на восток, закрывая солнце. Затмение предварило более узкое, чем казнь Христа, событие. Оно тоже связано с трагедией христианского мира, но только в России: Никон – отступник веру казнил и законы церковные [3, с. 37]. За это прегрешение Бог обрушил на людей свой гнев, наслав мор, о котором нельзя забыть. Третье грозное затмение связано с личной судьбой протопопы – воина христового. Спустя четырнадцать лет, после второго затмения небеса вновь дали знать о приближении трагических событий. Они коснулись судьбы Аввакума и его семьи. В пятницу Петровского поста в шестом часу солнце померкло, являя гнев Божий: горемыку с его сторонниками остригли и в темницу, прокляв, бросили [3, с. 38]. Отсутствие датировок содержательно. Оно, повторимся, – инструмент возведения в ранг святости борьбы за дело Христово любого времени.

Все дальнейшие события маркируются пространством. Впервые в жанре Жития человек поставлен в необъятность России: Центр, Север, Сибирь, Дальний Восток. Время измеряется пребыванием Аввакума в определенном месте. Для писателя важно не время, а место, потому что место – арена ошибок людей разного положения и разной духовности. Время роли не играет, так как безумие и подвиг характерны и для жизни праотцов, и для «нынешнего века». Не упомянув даты своего рождения, Аввакум отмечает передвижения в связи со службой, что маркировано количественными измерениями времени: «в двадцать лет поставлен в попы», «а когда еще в попах был», «когда в Москву прибрел», «когда же привезли меня на двор», «вскоре другие прогнали снова меня с того места», «приехал в Москву», «потом меня снова водили пешего из монастыря на патриарший двор, по-прежнему растянув руки», «потом послали меня в Сибирь, в ссылку с женою и детьми», «потом приехал из Москвы архиепископом». А далее крестный Сибирский путь: Тобольск, Енисейск, Братский острог, река Хилка, озеро Ирген, Байкал, Нерча-река, Даурия. Начало обратного пути не отмечено датой: снова на Иргень-озеро «приволоклись». Сибирь, в изображении Аввакума, – страна холода, зимы, смерти. В.И. Тюпа подчеркнул значение Жития протопопы Аввакума в концептуализации Сибири как лиминального хронотопа русской литературы [11, с. 256].

Сопоставление с фольклорной сказкой позволяет рассматривать Сибирь как своеобразное лиминальное пространство, характерное для об-

рядов перехода. Ссылка «воина Христова» мыслилась властью как отвращение его от старой веры и переход к никонианству. Кажется, большая часть испытаний, которыми наполнен обряд инициации [10], выпала на долю «воина Христова». Ситуация смертельной опасности константа для сибирских дорог. Во многом она исходит от рек. В Тунгуске-реке, в водах Байкала, на Хилке-реке люди тонут подобно героям сказок, погибающим в мертвой воде. Аввакума спасли помощь людей и его выносливость: вода быстрая, переворачивает барку вверх дном и снова палубой, а я на ней ползаю и кричу: «Владычию, кричу: помоги... Иной раз ноги в воде, а иной раз выползу наверх. Несло с версту и дальше, да перехватили; все размыло до крохи» [2, с. 173]. Соотносимы с испытаниями в обряде инициации бесконечные побои. Шестьсот человек вел Пашков в Сибирь и всех «перестроил» побоями. Умерли два сына Аввакума («бедненькие»!). Одною рекою вырвала из рук. Лежащего на берегу ребенка она подхватила и с песком унесла. Река Нерча всплывала в памяти как «юдоль плачевная»: там покойников не успевали убирать: «из куреня выйду – мертвой, поводу пойду – мертвый, по траву пойду – мертвый – тамо и груды мертвых. И себе говорю: «Аввакум, приспе конец, приближается час» [3, с. 123]. Сам протопоп воспринимает Сибирь как страну смерти, а свою судьбу как воскресение по Его милосердию. «Мытарства христологической инициации (претерпевающие наказание становятся, по Аввакуму, сыновьями Бога) мотивированы: «многими скорбми подобает нам внити в царство небесное» [11, с. 256]. Смерть подстерегает людей: «Река песчаная, (дно) сыпучее, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суховатые, кнуты острые, пытки жестокие, огонь да встряска. Люди голодные, лишь только начнут бить, а он и умрет, и без битья насилию человек дышит» [3, с. 174].

Символами лиминальности пространства являются лес, горы, снег, темнота. Эти символы часто материализуются. Так, воевода Пашков зимой оставил семью Аввакума жить под сосною: «...и мы неделю-другую мерзли с ребятами» [3, с. 174]. Заморил воевода солдат, посланных рубить строевой лес.

Отнимают силы горы, которые надо преодолевать. Запомнились протопопу горы у Байкала: «...горы высокие, утесы каменные и зело высокие. Двадцать тысяч верст и больше я волочился, а не видал нигде таких гор» [3, с. 182].

Константным образом смерти как приметы идиостиля Аввакума является лодка. Мифологема лодки как средства переправы в мир иной широко известна в фольклоре и литературе, начиная с «Повести временных лет». Под пером Аввакума мифологема лодки переплетена с мифологемой ворот [13, с. 194], которые разделяют, по языческим представлениям, мир живых и умерших: «когда приехали к Падуну Великому, – река в том месте шириной с версту, три порога гораздо кру-

ты, и если не воротами что поплывет, так в щепы изломает. Привезли меня под порог, сверху дождь и снег, на плечах один только кафтанишко накинута, льет по спине и брюху вода» [3, с. 172].

Изображение жизни протопопа Аввакума в своеобразном пространстве и времени отразилось в переосмысленном виде инициацию – «... обряд родового общества, обеспечивающий посвящение, переход его членов в новую половозрастную группу. Основой инициации являлась идея бессмертия. Именно она создала универсальную модель, согласно которой после смерти вновь наступала жизнь: жизнь – смерть – новая жизнь. Для того, чтобы человек получил новый статус, он должен был ритуально «умереть» и «снова родиться – уже иным» [4, с. 70]. Этот обряд приобрел с течением времени более широкое значение, чем переход в иную половозрастную группу. Аввакума многократно подвергают смерти религиозные и светские власти, надеясь, что он возродится, перейдет к новой вере. После возвращения из Сибири «воин Христов» подвергается новым попыткам склонить его к никонианству. Не возрожденный к «новому», оставшийся на прежних позициях старообрядец Аввакум вознесся в небо в пламене костра, а его творение живет в веках подобно кораблю, испещренному разными красками, красным и белым, и синим, и черным, и пестрым; «ум человеческий не вместит такой красоты и лепоты...» [3, с. 161].

Этот корабль увидел во сне непокоренной защитник веры отцов, писатель и мыслитель Аввакум. Увидел и разгадал его многозначную символику. Корабль – это наполненная смыслом, трудом, подвигом, семейными заботами и страданиями жизнь. Корабль, вместе с тем, – огнепальное слово, способное поведать миру о людях, посвятивших свою жизни святому делу. Слово проповедника и писателя ставится на такую высоту, которую невозможно охватить разумом смертных.

Список литературы

- 1 Бахтин М. М. Эпос и роман. – Санкт-Петербург : Изд-во «Азбука», 2000. – 301 с.
- 2 Деткова Н. С. Житие протопопа Аввакума. Творческая история произведения. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1974. – 167 с.
- 3 Житие протопопа Аввакума: (Последняя авторская редакция): в 2 кн. / подгот. текста, вступ. статья, перевод и коммент. Н. В. Поньрко. – Санкт-Петербург : Изд-во «Пушкинский дом», 2016. – 220 с.
- 4 Зуева П. В. Русский фольклор: Словарь-справочник. Книга для учителей. – Москва : Просвещение, 2002. – 334 с.
- 5 Лихачев Д. С. Великое наследие. – Москва : «Современник», 1975. – 305 с.
- 6 Мифы народов мира: Энциклопедия : в 2-х т. – Т. 2. – Москва : Изд-во Российской энциклопедия, 1982. – 719 с.
- 7 Покровский Н. Н. Антифеодальный протест уральских крестьян-старообрядцев в XVIII вв. – Новосибирск : Наука, 1974. – 397 с.
- 8 Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. – Новосибирск : Издательский дом «Сова», 2005. – 344 с.
- 9 Поньрко Н. В. Протопоп Аввакум в культурной памяти русского народа // Житие протопопа Аввакума

(Последняя авторская редакция) : в 2 кн. / подгот. текста, вступ. статья, перевод и коммент. Н. В. Поньрко. – Санкт-Петербург : Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. – 220 с.

10 Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1986. – 365 с.

11 Тюпа В. И. Анализ художественного текста : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – 3-е изд., стер. – Москва : Издательский центр «Академия», 2009. – 336 с.

12 Федорова В. П. Свадьба в системе семейных и календарных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 1997. – 283 с.

13 Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. – Москва: ООО «Издательство АСТ», ООО «Русские словари», 2001. – 624 с.

References

1 Bahtin M.M. Epos i roman. – Spb.: Izd-vo «Azбуka», 2000. – 301 s.

2 Detkova N.S. Zhitie protopopa Avvakuma. Tvorcheskaya istoriya proizvedeniya. – L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1974. – 167s.

3 Zhitie protopopa Avvakuma: (Poslednyaya avtorskaya redakciya): V 2 kn./ podgot. teksta, vstup. stat'ya, perevod i komment. N.V. Ponyrko. – Spb. : «Izdatel'stvo Pushkinskij dom», 2016. – 220 s.

4 Zueva P.V. Russkij fol'klor: Slovar'-spravochnik. Kniga dlya uchitelej. – M. : Prosveshchenie, 2002. – 334 s.

5 Lihachev D.S. Veikoe nasiedie. – M. : «Sovremennik», 1975. – 305 s.

6 Mify narodov mira: Enciklopediya: V 2-h tt. – T.2. – M.: Izd-vo Rossijskaya enciklopediya, 1982. – 719 s.

7 Pokrovskij N.N. Antifeodal'nyj protest uralosibirskih krest'yan – старообрядцев v XVIII vv. – Novosibirsk.: Nauka, 1974. – 397 s.

8 Pokrovskij N.N. Puteshestvie za redkimi knigami. – Novosibirsk: Izdatel'skij dom «Sova», 2005. – 344 s.

9 Ponyrko N.V. Protopop Avvakum v kul'turnoj pamyati russkogo naroda // Zhitie protopopa Avvakuma (Poslednyaya avtorskaya redakciya): V 2 kn. / podgot. teksta, vstup. stat'ya, perevod i komment. N.V. Ponyrko. – Spb. : Izd-vo «Pushkinskij Dom», 2016.- 220 s.

10 Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. – L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta – 1986. – 365 s.

11 Tyupa V.I. Analiz hudozhestvennogo teksta: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij / V.I. Tyupa. – 3-e izd., ster. – M. : Izdatel'skij centr «Akademiya», 2009. – 336 s.

12 Fedorova V.P. Svad'ba v sisteme semejnyh i kalendarnykh obychaev старообрядцев Yuzhnogo Zaural'ya – Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. universiteta, 1997. – 283 s.

13 Shaparova N.S. – Kratkaya enciklopediya slavyanskoj mifologii. – M.: ООО «Izdatel'stvo AST», ООО «Russkie slovari», 2001. – 624 s.